

— На этом и порешим, — подвёл черту Лу Ивэнь, бросив взгляд на часы. Время близилось к концу рабочего дня, пора было закругляться.

Слыша долгожданное слово «конец», Сюй Лань словно мгновенно исцелился от спазмов в желудке. Не задерживаясь ни на секунду, он попрощался с Лу Ивэнем раньше всех и пулей вылетел из конференц-зала.

Глядя ему вслед, Лу Ивэнь вдруг сообразил, что парень пришёл на прослушивание вообще без гитары. В суматохе, пока тот стоял рядом с обвешанным сумками и чехлами Цзин Сяном, этого никто и не приметил.

«Неужели он с самого начала не планировал играть? Сотрудники ведь должны были предупредить, что на повторном прослушивании придётся подняться на сцену и показать класс на инструменте».

Вслед за Сюй Ланем зал покинули Бай Чжюань и Цзин Сян. Последний, едва переступив порог, преобразился так, словно каторжника наконец отпустили на свободу — даже издали слышно было, как он без умолку засыпает Бай Чжюаня дурацкими расспросами.

Лу Ивэнь тоже засобиравшись домой. Он уже складывал бумаги в сумку, когда, подняв голову, обнаружил стоявшего рядом Цзянь Шэ. Тот неловко переминался с ноги на ногу, слегка сцепив пальцы перед собой, явно не решаясь заговорить.

— Что-то случилось? — спросил Лу Ивэнь.

— Этот пиджак... — негромко начал Цзянь Шэ.

— А, пустяки, — Лу Ивэнь небрежно отправил очередной документ в папку. — Мне он всё равно без надобности. Можешь забирать себе. Если не понравится, просто выброси, я не обижусь.

— Ни за что не выброшу, — возразил Цзянь Шэ. — Я буду беречь его.

— Как знаешь, — Лу Ивэнь окинул юношу оценивающим взглядом. — Впрочем, тебе действительно очень идёт.

Простая, брошенная мимоходом похвала заставила Цзянь Шэ на мгновение замереть.

— Могу я спросить? — он опустил взгляд на занятые руки Лу Ивэня, пальцами нежно коснувшись пуговицы на манжете. — Вы ведь говорили, что недовольны моей манерой держаться на сцене... Почему же тогда разрешили прийти на второй тур?

— Твоё участие во втором туре — решение не одного человека, так проголосовали все судьи. Но...

Лу Ивэнь достал телефон и зашёл в рабочую почту, отыскав письмо, которое пару дней назад переслала ему Сяо Мэй.

— Вот, Сяо Мэй переслала мне твою запись. Пишет, ты отправил её операторам сразу после первого прослушивания, — Лу Ивэнь шагнул ближе к юноше и развернул экран к нему. — Это ведь та песня, которую ты исполнял сегодня? Студийная обработка ещё хромает, но когда я послушал, то понял: у тебя огромный потенциал. Твой вокал действительно берёт за душу.

Цзянь Шэ на мгновение онемел от удивления.

— Вы... уже её слушали?

— И не один раз. Прокрутил её снова и снова, — Лу Ивэнь спрятал телефон в карман. — Текст потрясающий. Именно поэтому я считаю, что этот стиль подходит тебе идеально.

На самом деле, по законам игрового сюжета, Лу Ивэнь не мог прослушать ту самую сырую запись из почты. То, что он крутил на повторе в реальности, было полноценным альбомным треком, доступным в меню игрового пространства.

Если вдуматься в лирику «Вальса под дождём», перед глазами вставал трагический сюжет: девушка договаривается с возлюбленным вместе уйти из жизни и всю ночь ждёт его под проливным дождём. Но тот так и не приходит. И тогда, замерзая в одиночестве, она в отчаянии кружится в безумном сольном вальсе. Танец без партнёра изначально обречён быть жалким, надрывным, а её хрупкий, промокший силуэт в темноте казался воплощением чистейшей безнадёжности.

— Финал этой песни по-настоящему меня зацепил. Героиня ведь всё-таки покончила с собой, верно? Перед самой смертью, раздавленная и измученная чувствами, она словно ни капли не винит свою судьбу. И единственное, что доводит её до иступления, — это понимание, что она физически не может заглушить в себе любовь к нему.

Помолчав, Лу Ивэнь любопытствовал:

— Ты сам написал эти строки или вдохновлялся чем-то?

—... Сам. Никаких референсов не было, — Цзянь Шэ опустил взгляд. — Вы правы во всём. Только... мне кажется, эта боль приносила ей сладкое утешение. Она принимала её с радостью.

Внимательно изучив выражение его лица, Лу Ивэнь осторожно спросил:

— Послушай, у тебя в школе случайно не появилась зазноба?

Цзянь Шэ промолчал, удивлённо распахнув глаза.

— Да ладно тебе, я же не строгий родитель, расслабься, — поспешил успокоить его Лу Ивэнь, заметив замешательство. — Просто учти: если ты серьёзно намерен пробиться на сцену, личную жизнь пока придётся отложить в сторону. Ты уже взрослый парень, должен сам расставлять приоритеты.

— Отложить? — переспросил Цзянь Шэ. — И до каких пор?

— Ну... — Лу Ивэнь замялся. Он не знал, что ответить, ведь ему самому было неизвестно, когда именно Цзянь Шэ решит покончить с музыкой.

Стоило признать: несмотря на юный возраст, черты лица Цзянь Шэ были куда резче и благороднее, чем у сверстников. Прибавьте к этому высокий рост, стройную фигуру — и перед вами типичный школьный красавчик, по которому сохнут толпы девчонок. Было бы странно, не думай он о свиданиях.

Между ними повисла тишина. За панорамными окнами догорал день, и последние лучи закатного солнца, пробравшись в кабинет, раскрасили пол тёплым золотисто-оранжевым светом.

Лу Ивэнь заворожённо уставился на дрожащие блики и поймал себя на мысли, что это первый закат, который он встречает внутри этой истории.

— Господин Лу, может... поужинаем вместе? — Цзянь Шэ заступил ему дорогу к выходу. То ли из-за закатного зарева, то ли по иной причине, его щёки тронул едва заметный румянец. — Тут неподалёку есть отличный западный ресторанчик. Я часто там бывал, когда приходилось кого-то ждать. Если вы не против...

Заметив, как Лу Ивэнь нерешительно скользнул взглядом по циферблату, юноша торопливо добавил:

— К тому же я хотел обсудить пару идей насчёт нашего будущего альбома. И я угощаю!

— Что ж, пойдём. Дома всё равно шаром покати, — услышав про альбом, Лу Ивэнь сдался. — Только платить буду я. Негоже мне соглашаться на твои угощения.

Время в игровом пространстве текло куда медленнее реального. Когда Лу Ивэнь наконец

вернулся в свою виртуальную обитель, на таймере реального мира зафиксировалось всего четыре часа отсутствия.

И хотя он обещал угостить парня, при расчёте выяснилось забавное обстоятельство: этот фешенебельный ресторан принадлежал семье Цзянь Шэ. О деньгах не зашло и речи — их отпустили с королевскими почестями и нулевым счётом.

«Точно, — запоздало вспомнил Лу Ивэнь. — В досье, которое скинула Сяо Мэй, упоминалось его происхождение. Его отец воротит ресторанным бизнесом национального масштаба...»

«И зачем такому богатею подаваться в айдолы?»

Достав из холодильника баночку ледяной колы, Лу Ивэнь рухнул на мягкий диван. В голове промелькнула практичная мысль: может, раз парень настолько обеспечен, агентство может урезать бюджет на его продвижение?

Хотя нет, глупости. Игровой баланс и сюжетные условности — вещи разные. К тому же сейчас в его колоде красовалась единственная карта Цзянь Шэ. Других вариантов развивать группу у него попросту не было.

Пока Лу Ивэнь ломал голову над распределением внутриигровой валюты, интерфейс событий отозвался весёлым писком:

[Добавлена новая порция треков! □ Во время события стоимость разблокировки одной песни — всего 100 золотых монет]

Для заядлого любителя ритм-игр свежие треки были сродни новым неизведанным подземельям.

Заметив, что за прохождение новинок в период ивента начисляют щедрый двадцатипроцентный бонус к очкам, Лу Ивэнь без колебаний нажал кнопку покупки. Его музыкальная библиотека тут же пополнилась четырьмя позициями.

Все они подчинялись общей сезонной концепции: «Весенняя песня», «Летняя любовь», «Осенний сад» и «Зимний стул». Идеально выстроенный цикл времён года.

«Надо же, как оперативно».

Эти композиции точь-в-точь повторяли концепт дебютного альбома, о котором Цзянь Шэ увлечённо вещал за ужином. Истории любви, запечатлённые в четырёх временах года.

«Романтический цикл о четырёх временах года...» — пробормотал под нос Лу Ивэнь.

Он до сих пор отчётливо помнил, как горели глаза юноши во время их разговора. Цзянь Шэ активно жестикулировал, едва ли не прыгал на стуле от восторга, а его голос дрожал от искренней веры в ту идеальную, кинематографичную любовь, которую влюблённые делят на двоих круглый год.

Но самым неловким было то, что, расписывая очередной сценарий свидания, парень затихал, заглядывал Лу Ивэню в глаза и с замиранием сердца ждал вердикта. Стоило менеджеру вежливо кивнуть, как Цзянь Шэ с ещё большим рвением пускался в подробности следующего этапа.

Тогда Лу Ивэнь пребывал в легком недоумении. Лишь сопоставив факты, он пришёл к логичному выводу: парень по уши влюблён, но понятия не имеет, как подступить к объекту обожания, а потому решил использовать своего продюсера в качестве бесплатного консультанта по амурным делам.

— Ладно-ладно, сдаюсь, — в конце концов Лу Ивэнь примиряюще поднял ладони. — Идеи у тебя прекрасные, музыкальные наброски — тоже. Но мы ведь только что договорились: никаких официальных романов. Контракт запрещает.

— Я и не рассчитываю на взаимность. И уж тем более не надеюсь, что всё это воплотится в жизнь, — казалось, ушат холодной воды ничуть не умерил пыл Цзянь Шэ. — Мне просто хочется выплеснуть эти чувства в музыку. Неважно, поймёт ли тот человек. Безответная влюблённость ведь не карается правилами?

— Ну, сохнуть на расстоянии никто не запретит... — вздохнул Лу Ивэнь, решив не перегибать палку. Всё-таки юношеский максимализм не задушишь никакими штрафами. — Главное — не афишируй это перед фанатами.

— А если тайно? Признаться-то можно?

— Хм... — Лу Ивэнь на мгновение задумался. Для рок-музыкантов рамки всегда были несколько мягче, чем для классических поп-айدолов. — Пожалуй, можно. Если ты на сто процентов уверен, что твоя пассия не побежит трезвонить об этом в соцсетях.

— А если никто не узнает, нам... можно будет встречаться? Например, запереться дома и устраивать свидания только в четырёх стенах, без лишних глаз?

— Ну... — Лу Ивэнь почувствовал, как заходит в глухой тупик. — Чисто теоретически... наверное, да...

— Раз уж мы будем наедине, — Цзянь Шэ смущённо опустил взгляд, пряча вспыхнувший в глазах опасный огонёк, — мы сможем... делать то, что положено делать только настоящим возлюбленным?

Лу Ивэнь: “.....”

Глядя на этого внезапно засмущавшегося гиганта, менеджер пережил целый спектр эмоций — от лёгкого шока до родительского бессилия. Спустя минуту неловкого молчания он выдавил:

— Делай что хочешь.

«В конце концов, меня это не касается».

Стоило словам сорваться с его губ, как юноша победно блеснул глазами. Он не стал развивать скользкую тему, лишь тихонько хмыкнул, но в этом коротком звуке отчётливо слышалось ликование.

«Неужели ему настолько не терпится влюбиться?»

Лу Ивэнь покачал головой, возвращаясь из воспоминаний к реальности, и запустил трек под названием «Летняя любовь».

Это обновление разительно отличалось от стандартных игровых механик. Обычно новые песни шли без клипов — игроку приходилось созерцать лишь дёргающихся на экране пиксельных чибиков. Но к сезонным трекам прилагались полноценные музыкальные видео.

В противовес меланхоличному «Вальсу», «Летняя любовь» пульсировала задорным, солнечным ритмом. На экране четвёрка музыкантов предстала в лёгких, открытых нарядах. Цзянь Шэ щеголял со стильной спортивной повязкой на голове, которая выгодно подчёркивала его светлые, золотистые глаза. От каждого кадра веяло беззаботным морским бризом.

На протяжении всего клипа Цзянь Шэ не сводил взгляда с камеры, ласково и тепло улыбаясь зрителю. В моменты эмоциональных переходов он слегка запрокидывал голову назад, подставляя лицо воображаемым солнечным лучам. Его образ лучился невероятной искренностью.

Пальцы Лу Ивэня привычно отбивали такт по сенсорным кнопкам, пока глаза выхватывали строчки субтитров внизу экрана. Лирика была выдержана в его излюбленной манере — вместо чётких предложений перед игроком проплывали разрозненные, но чертовски яркие образы-ассоциации.

«Поцелуи под тёплым грибным дождём», «переплетённые пальцы влажных ладоней», «одна персиковая газировка на двоих», «бесконечные звонки во время простуды»...

Настоящая подростковая мелодрама. Лу Ивэнь аж передёрнулся от избытка романтического сахара.

Но на финальном аккорде беззаботная улыбка внезапно сошла с лица Цзянь Шэ. В глубине его светлых глаз промелькнуло щемящее беспокойство, смешанное с тоской:

«Хочу прокричать тебе о своей любви, слово в слово».

«Устал топтаться на месте, устал молчать. Сил больше нет скрывать это».

...

Как раз в тот момент, когда палец Лу Ивэня выбил идеальный тайминг на последней ноте, перед ним всплыла эта финальная строчка.

«Да ладно тебе, — скептически подумал он, глядя на застывший экран. — Что за неприступную крепость ты штурмуешь? С такой-то внешностью — и до сих пор во френдзоне?»

<http://bllate.org/book/18237/1747594>